

ПОП-КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 316.4, 316.7, 331.44

СОЦИАЛЬНЫЙ САБОТАЖ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЫ

Р.Н. Ибрагимов

Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова

dison1@mail.ru

Объективный подход к изучению вектора развития России предполагает учет как позитивных, так и негативных ценностей и поведенческих стереотипов, образующих гибкую систему социокультурной матрицы. К последним можно отнести социокультурный феномен саботажа, распадающийся как минимум на четыре специфические субматрицы.

Ключевые слова: национальная идея, социокультурная матрица, саботаж, социальный риск.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-148-158

На лесопилку привезли новейшую японскую пилу. Собрались мужики, запустили пилу, сунули в нее балясину. «Вжжжик!» – сказала пила. «Ого!» – сказали мужики. Сунули вместо деревяшки железный лом. «Кряк!» – сказала пила. «Ага!!!» – сказали мужики.

Анекдот эпохи застоя

Жесткость закона в России компенсируется необязательностью его выполнения – только младенец не цитирует эту сакраментальную истину. И если продуцирование самого закона является прерогативой науки, то способы необязательности исполнения – это, как пить дать, искусство. И каждый занимается им кто во что горазд: от младших школьников до стариков, от камчатских рыбаков до калининградских янтарекопателей, от высших чиновников до таджикских гастарбайтеров.

В условиях санкций и кризиса, когда стране требуется мобилизация неучтенных ресурсов, проблема манкирования моби-

лизационным пафосом на фоне привычки к сокрытию сих ресурсов – проблема не из последних. Тем более когда управление риском социального саботажа должно располагаться в плоскости не столько экономического, сколько социоментального менеджмента, социологии духовной жизни и когда управление риском социального саботажа само становится его же разновидностью.

Казалось бы, предмет разговора лежит в области социальных процессов – саботаж, его изыскание, разоблачение и расстрел виновных измеряются во временных интервалах и причинно-следственных ста-

днях, а занимаются этими увлекательными действиями «реальные, живые люди». Но хотя бы тактически наша тема лучше разворачивается, начиная с *национальной идеи*. В предварительной редакции наша гипотеза состоит в том, что *искусство саботажа есть неотъемлемый компонент нашей национальной идеи*.

Если, конечно, то, о чем спорят отечественные ученые и политики, является именно идеей. Дело в том, что с логико-методологической точки зрения «национальная идея» – это оксюморон. То есть она либо национальная, либо идея. В строгом смысле идея – это содержание какой-либо рациональной формы мышления – именно рациональной и именно мышления. Идея излагается понятием, концептом, текстом, над которыми можно производить логические операции.

В наибольшей степени критерию дискурсивно развернутой рациональности отвечает 6-томное издание «Национальная идея России» (далее – НИР), безупречное по своей системности и аналитичности. Можно совершенно искренне заявить, что эта коллективная монография – теория (простите за неуклюжесть термина) *нашего (российского) всего* [7] (Гегель, преследуя ту же задачу, ограничился лишь 500 страницами [2]).

Так что проблема только в том, *чья* это идея. Безусловно, что коллектива авторов. Вероятно, что содержание монографии дословно воспринято той частью интеллектуальной элиты, чьей усидчивости и лояльности хватило до конца 6-го тома. Менее вероятно, что все 4425 страниц уместились в сознании той части политической элиты, которая будет воплощать идею в жизнь и которой, собственно, она адресована. Если справедлив этот вариант, то мы, по-

мимо Гегеля, заткнули за пояс самого Людовика XIV!

И практически невероятно, чтобы такая дискурсивная глыба интериоризировалась нацией! Ведь никак нельзя миновать общеизвестную закономерность: *чем коллективнее субъект, тем иррациональнее его духовные скрепы*. И неважно, из кого именно состоит коллективный субъект. Два профессора, запертые в одном пространстве, поспорят быстрее, чем два бомжа. Потому что первых разъединяет иллюзия возможности рационального разговора, а вторых объединяет молчаливая любовь к одеколону. А если брать не два, а сразу все 140 млн жителей России?

В этом смысле к формулировке объединяющего смыслового начала гораздо ближе формула графа Уварова. И опять не по содержанию, а по эффективности деонтического подтекста и перспектив пропагандистской реализации. Побуждающим эффектом, в отличие от конструкции из трех слов, не обладает научный труд в шести томах, изложенный в алетической (повествовательной) модальности.

Национальная идея России – это (в идеале) некая мечта, за которую готов отдать жизнь (или какую-либо иную ценность) среднестатистический россиянин. Это нематериальный и даже иррациональный по природе мобилизационный ресурс, за который, кроме воспаленных голосовых связок, ничем не надо платить. И таким эффектом обладает деонтическая модальность (лозунг, призыв), но до определенного предела. Призыв действует, если призывающий обладает достаточным кредитом доверия. А доверие – это субстанция иррациональная. Если бы революционные крестьяне вдруг узнали, что агитирующий их комиссар только что ограбил

ювелирную лавку, они бы... Бывало, конечно, что и на вилы подымали. Но вероятнее всего просто послали бы комиссара куда подальше. Можно ли ожидать доверия тому, кто в тяжкую годину, призывая народ затянуть пояса, нахально повышает свое довольствие вдвое?

У России, конечно, «женская душа». Только вспоминают об этой метафоре чаще тогда, когда ее население чем-то или кем-то прельстилось. А вы сталкивались с разочарованной, оскорбленной женской душой? Если такая решит, что предмет ее прежней влюбленности – «изменщик коварный», она разыгрывает три сценария: первый (*буза*) – рванье волос и битье посуды; второй – самоубийство (*этно-* или *демоцид*); третий сценарий – когда женская душа отворачивается к стенке и перестает выполнять телесные обязанности, «потому что голова болит». Это и есть *саботаж*.

Все три сценария изобильно представлены в нашей истории вплоть до наших дней. Как можно закрывать глаза на то, что огромные группы населения (хлысты, старообрядцы, криминальная субкультура, разинцы и пугачевцы) не просто бузили, но подводили под свой бунт идеологический фундамент? В коллективной монографии, где провозглашается сакральный характер отношения российского народа к своей государственности, фигурирует только второй из перечисленных сценариев (в разделе «Угрозы») и упоминается первый. Третий сценарий, когда «народ безмолвствует», там не представлен вовсе. Но не учитывать его действия в так называемой «национальной идее» просто недалёковидно.

Однако прежде необходимо уточнить, «отшкурить» терминологию проблемы. Понятно, что хождение парадоксальной конструкции «национальная идея» объясня-

ется не приверженностью научным терминологическим стандартам, а соображениями политкорректности, конкретнее – опасением не оскорбить трепетную душу российского народа.

Попытке выразить развернутый дискурсивный аналог системы ценностей, интенций и поведенческих императивов, характерных для большой социальной общности, лучше отвечает термин *матрица*. В научной литературе это понятие время от времени встречается, но, как обычно, с изрядным смысловым люфтом. Один полюс разброса мнений занимает излишняя конкретизация концепта матрицы. К такому можно отнести педагогический детерминизм [см., напр. 3, с. 52]. Другой полюс, на мой взгляд, занимает подход С. Кара-Мурзы, изложенный в его культовой книге «Матрица “Россия”», выгодно отличающейся от 6-томника (где, кстати, Сергей Георгиевич фигурирует в авторском коллективе) смелостью и объективностью [4]. К сожалению, строгого определения понятия матрицы в работе нет, что оставляет свободу предположить заимствование из названия столь же культового фильма. Шутка.

А теперь не шутка: схожесть структуры двух упомянутых источников и частично авторство дают подтверждение нашей догадке, что «матрица» и «национальная идея» – это по умолчанию синонимы, и означают тематический набор-конструктор, наполнение которого конкретным этно-историческим содержанием дает привязку к конкретной нации. Матрицу германского духа находим в оглавлении «Философии права», российскую матрицу – соответственно в оглавлении [7].

Однако понятно, почему у Гегеля нет главы или параграфа под названием «Саботаж» – они и Великую Отечественную про-

играли, так и не поняв, почему на завоеванной территории так часто ломаются паровозы и станки. Но в исследованиях российской матрицы феномен саботажа тоже не заявлен, хотя избыточный эмпирический материал дает для его выявления (вторичным анализом) полную свободу.

Поэтому остановимся на уточнении: *социокультурная матрица (СКМ) – гибкая система поведенческих стереотипов и инвариантов подражания, характерных для конкретной культуры или субкультуры*. Преимущества матричного подхода к культуре в целом и отдельным ее феноменам, во-первых, выражаются в том, что СКМ образуется в любой более или менее исторически устойчивой социальной общности. Темы-феномены и подлежат матричному «учету» лишь потому, что могут заполняться примерами из разных исторических эпох одной культуры. Примером может служить армия и отношение к ней [4, с. 23].

Во-вторых, СКМ образуется в любой более или менее *структурно устойчивой* социальной общности. В этом смысле СКМ – *многомерная табличная сеть поэтических локусов с относительно произвольной связью между ячейками, образующей между тем единый системный эффект*. Здесь оглавление книги о матрице дает лишь схематическое и одномерное представление, тогда как сама культура – *n*-мерное образование с гибкими и даже амбивалентными связями. Так достигаются эффекты жизнеспособности и морфологической определенности, иначе русские были бы похожи на американцев, хиппи – на хибстеров, врачи – на божжей.

Кроме того, в-третьих, СКМ – это особого рода *субдискурс*. Социокультурная матрица, как правило, не артикулирована – что неудивительно, так как живет она не на рационально-критическом, а на подсо-

знательном «этаже» разума. *Это способ тематической организации дискурса, благодаря которому члены общности интуитивно находят «общий язык»*. Наверное, самое экономное определение дискурса – что он, собственно, и есть «общий язык».

В связи с этим, в-четвертых, СКМ – это способ существования социального, коллективного в индивидуальном психологическом континууме. Нечто подобное имел в виду К.Г. Юнг (если, конечно, смахнуть с его теории налет мистицизма) [10, с. 17]. В его парадигме СКМ – *это система содержательного заполнения архетипов коллективного бессознательного, свойственная устойчивым социальным общностям*.

Многомерность и гибкость СКМ имеют два естественных следствия. Первое – гносеологическое. Вероятность обнаружения новых элементов и тем более межэлементных связей увеличивается в многомерной системе многократно. Это позволяет вести изыскания в области поиска национальной идеи почти до бесконечности, каждый раз обнаруживая что-нибудь новенькое.

Второе следствие – аксиологическое. Не всё новенькое может принести удовольствие. Не все обнаруженное в структуре и содержании СКМ может оказаться идеологически полезным или экономически безопасным. Там, например, может оказаться, что наша национальная идея отчасти заключается в самом поиске национальной идеи. То есть элементом СКМ является озабоченность расшифровкой той же СКМ.

Всеобщая шумная имитация поиска без надежды найти ответ, но с наслаждением от самого процесса, особенно характерная для отечественной интеллигенции, позволяет выйти непосредственно на наш специфический предмет. Поскольку описанный процесс тоже подпадает под поня-

тие саботажа. В этом смысле национальная идея хотя бы отчасти состоит в саботаже ее поиска. (Видеоряд: кадр из фильма «Бура-тино». Лиса Алиса и Кот Базилио: «Держи его! Лови его! Ищи его! Свищи его!»)

Принято считать, что само явление саботажа ближе к экономическому мышлению и поведению. Здесь *саботаж* – это *недемонстративная форма протеста, выражающаяся в скрытом противодействии или злостном неисполнении обязанностей*. Однако более пристальное изучение предмета убеждает, что феномен саботажа универсален и встречается повсеместно. Например, сама понятийная форма имеет наибольшее хождение в правовом дискурсе, точнее даже – в экстремально-правовом. Наличие формулы «саботаж» в приговоре военно-полевого трибунала – верный знак того, что кого-то расстреляют.

Описанная ситуация – это, конечно, крайний случай, который для нас полезен тем, что может использоваться как эталонный, «идеальный» тип, применяя который к реальным ситуациям можно получить более или менее точные представления о количественных пропорциях реального события. Например, саботаж супружеских обязанностей под предлогом «головной боли» можно оценить в 16,2 % от «военно-полевого эталона».

Кроме того, эталон нагляднее всего показывает, что понятийная форма «саботажа» выполняет функцию обвинения, что она – инструмент стигматизации объекта, а не повествование о нем. Иными словами, обнаруживая где-либо некий саботаж, мы (и прочие «обнаружители») должны помнить о феноменологической «поправке на ветер», о том, что за обнаружением «факта саботажа», в скобках – редукции вообще, может ничего не оказаться. Например,

элементарная лень или неспособность исполнителя конструируется в уме администратора в виде злостного саботажа. В нашем исследовании этим грешили 64,2 % руководителей (Социологическое исследование «Место досуговых практик молодых офис-менеджеров в их трудовой деятельности» проводилось в Республике Хакасия в 2012–2013 г. Были опрошены руководители среднего звена ($N = 28$, интервьюирование) и работники (офис-менеджеры) 8 ведомств и 14 бизнес-структур ($N = 114$, анкетирование). Выборка случайная, двухступенчатая). Возвращаясь к примеру саботажа супружеских обязанностей, степень «общественной опасности» довольно произвольно определяется «пострадавшим».

Итак, принимаем метафору саботажа как «партизанской войны». Ее задача состоит не столько в том, чтобы точно выразить предмет, сколько обеспечить его узнаваемость.

Всем. Даже авторам «НИР». Лишь в одном фрагменте текст, казалось бы, подступает к нашей ячейке матрицы: «Намного менее очевиден и управляем скрытый социальный конфликт, под которым понимается неосознаваемое сторонами конфликта или государственными органами столкновение интересов. Скрытый конфликт может быть бессубъектен (когда одна из сторон конфликта не может точно определить, кто является второй стороной), или беспредметен (когда стороны точно не могут определить, в чем, собственно, состоит противоречие). Недостаток понимания (рационального компонента) в совокупности с избытком эмоционального компонента создает потенциальные предпосылки для самого страшного и разрушительного «слепого гнева». Таким образом, скрытый социальный конфликт является фактором

потенциально более высокой и деструктивной социальной энергетике. В связи с этим приобретает важность задача выявления скрытых социальных конфликтов и их предотвращение или превращение их в явные конфликты» [7, т. 2, с. 975]. Пшик!

Слов нет, «слепой гнев» – серьезная социальная опасность. Но открытая форма социального протеста, несмотря на кажущуюся остроту и опасность, чаще всего оказывается приглашением к социальному диалогу. Демонстранты и «бузотёры» хотят, чтобы их заметили, чтобы к их требованиям прислушались, учли в ходе переговоров. Если это и враждебность, то ситуативная и временная. Очевидно, что в такой транскрипции открытые формы социального протеста занимают не самые крайние положения на «шкале враждебности».

Гораздо большую социальную опасность представляет последовательная, устойчивая в своей враждебности социальная позиция, которую принято называть саботажем. Саботаж, если за феноменологической конструкцией имеется какой-либо онтологический субстрат, невидим актуально и ощутим только по результатам, последствиям и жертвам. Саботаж исключает перспективу социального диалога и дальнейшего выправления ситуации риска, поскольку сам является следствием отчаяния найти возможность диалога, отвержения ее.

Атрибут *социальности* в наименовании саботажа принципиально важен: в индивидуальном исполнении мотив саботажа появляется у отдельного человека в результате психологической эволюции. Это эволюция от уверенности и надежды к отчаянию и враждебности. Так появляются и в этом консервируются злостные саботажники-одиночки. Равнодушные и привычка гадить где только можно – это уже симптомы перерастания в

социальный феномен. Но даже поодиночке саботажники – это огромная социально-статистическая величина. В одной только системе высшего образования 9 из 10 преподавателей и студентов признались в имитации учебной деятельности! [5] Но саботаж – это не просто статистика, это – система.

Во-первых, привычка – это результат повторяемости, т. е. регулярного воспроизведения ситуации, когда индивид убеждается в невозможности конструктивного диалога или хотя бы результативного открытого протеста.

Во-вторых, индивид живет не в безвоздушном пространстве; вокруг него сплошь образцы для подражания, начиная от значимых близких и заканчивая литературными или киноперсонажами. Подражание, мимезис – один из самых надежных способов кристаллизации социума. В этом смысле искусство саботажа является эпидемической инфекцией, поскольку передается от носителя-образца к носителю-подражателю, имеет инкубационный период и вызывает разрушительные последствия.

В-третьих, саботаж социален в силу сложности своей структуры. Минимальное событие саботажа требует наличия трех элементов: субъекта, объекта и предмета. С учетом мультипарадигмальности темы следует также учитывать условия, обстоятельства события.

Субъект саботажа – это сам саботажник, т. е. лицо, ведущее незримую «партизанскую войну». В более масштабных вариантах субъектами саботажа могут выступать малые социальные группы и даже категории и классы. Отсутствие прямого словора, т. е. реальных, действующих прямых коммуникативных связей, цементирующих коллективный субъект саботажа, в нашем случае не является препятствием. Достаточ-

но единства привходящих социальных условий, генерирующих событие. Если руководящий пост называется «кормление», глупо и странно ожидать от занимающего его боярина неподкупности.

Объект саботажа – это контрагент, враг субъекта, лицо (или группа, категория лиц), которым намерен причинить вред субъект-саботажник, опасющийся (по тем или иным причинам) прямых открытых действий. В плоскости феноменологического видения проблемы объектом саботажа выступает проблематизатор, т. е. субъект, потерпевший реальный или мнимый ущерб. В последнем случае для мнимого саботажника имеется обиходная метафора «стрелочник».

Предмет саботажа – это дело, поручение или приказ, которые портятся, извращаются или игнорируются саботажником. Это инструмент враждебного воздействия на объект, его медиатор. В отличие от субъекта, предмет саботажа часто доступен эмпирической фиксации. Увеличение сроков и стоимости строительства, например, не нуждается для обнаружения в микроскопе. Отсроченные последствия, например обрушение дома или выход из строя дорожного покрытия, тоже позволяют выявить исполнителей поименно. А вот логический переход от номинации «исполнитель» к номинации «саботажник» имеет природу гипотетическую, волюнтаристскую и/или герменевтическую. И в эту игру мы играем с детства. Помните: «Ты специально мою игрушку сломал!!!»?

За феноменологической конструкцией «социальный саботаж» стоит, без сомнения, некий онтологический субстрат – реальные люди в реальных условиях. Упражнения по поиску виноватого и социальное поведение реального «виноватого» существуют относительно автономно настолько, что породили целый жанр де-

тектива, вся интрига которого завязана на попытке сближения феномена и редукционных скобок.

Как и в детективе, эти скобки не пусты. Как и в детективе, в этом эмпирическом мессиве событий существует точно не единственный вариант заполнения специфическим социальным содержанием компонентов – субъекта, объекта и предмета социального саботажа, а также социального фона, условий социального поведения. Их сочетание дает на выходе конкретную *сценарную субматрицу*, общераспространенный инвариант социального поведения и смыслонаделения. Субматрицы тоже универсальны с социокультурной точки зрения, поскольку проявляются во многих, если не во всех сферах общественной жизни. Анализ ментально-поведенческих стереотипов позволил выделить как минимум четыре: «Крапивное семя», «Инородец», «Каторжник», «Крепостной». Начнем с наименее распространенных и/или трудных для эмпирического изучения.

Субматрица «Крапивное семя» характерна для чиновничества как класса. Название взято в силу очевидности в нем функции стигмата. Но при этом имеет среди менеджеров среднего звена чрезвычайно широкое хождение в качестве иронической identity. В теории управления способность этого сословия приспособиться к любым нормативным обстоятельствам и разрастись замечательно выражена в «Законах Паркинсона» [8]. В плане социального саботажа чиновников отличает исключительная рациональность. По крайней мере, это касается 1) четкой осмысленной установки на осуществление деятельности в обход существующего законодательства, 2) обыкновения до предела затягивать выполнение обязанностей в благоприятных для того условиях, а также

3) развитого навыка демонстративной имитации бурной деятельности.

Рациональность «Крапивного семени» проявляется также в наибольшей среди прочих профессиональных групп дальновидности и осторожности в плане открытости для исследования. Умение находить пространство для маневра в любой запятой текста нормативно-правового документа и естественное нежелание «светиться» делают использование стандартных опросных методик весьма затруднительным. Поэтому саботаж здесь можно гипотетически констатировать часто лишь по отдаленным последствиям. Например, лишь сейчас, ближе к концу 2014 г., стало ясно, что ряд майских указов Президента выполнен с точностью до наоборот.

Тем не менее риску предположить, что именно способность к саботажу, воистину высокое искусство саботажа является пусть скрытым, но существенным критерием классобразования, кооптации в сословие.

Субматрица «Иностранец» отражает специфику полиэтничной российской действительности. Здесь особо заметен социо-культурный аспект выделения субматриц. Национальная политика в России всегда была образцовой (за некоторыми исключениями) в плане формирования толерантности и лояльности народностей. Однако политика, даже безупречная, не всегда есть гарантия диалога культур. В XVIII–XIX вв. татарский дворник, еврейский шинкарь, армянский торговец в определенных ситуациях всегда могли сделать непонимающий вид, пряча хитрую улыбку. Особенности национального менталитета часто становились «козырной картой», конкурентным преимуществом именно потому, что следование ему позволяло экономить социальную энергию носителей.

Сейчас, в начале XXI в., эта сценарная композиция приобрела новые, более жесткие черты. Именно здесь, а не на материале античности и средневековья, наиболее наглядно видна разница между крепостничеством и рабством. Это при том, что беспаспортные, бесправные «чурки» в культурном плане превосходят своих «хозяев» хотя бы в плане двуязычия. Проведенное нами включенное наблюдение в среде трудовых мигрантов, в частности, показало: несмотря на довольно высокий образовательный и культурный ценз, мигранты-среднеазиаты ясно осознают, что именно бессловесное подчинение нанимателям, принятие надменного отношения равных по положению русскоязычных пролетариев является их конкурентным преимуществом на рынке труда. Расплатой за это является социальная вялость, безынициативность¹.

Субматрица «Каторжник» свойственна для лиц, инкультурированных в криминальную среду. Актуальность данной субматрицы обоснована тем, что в России примерно каждый пятый взрослый мужчина прошел через уголовное преследование, часто – через места лишения свободы. Там осужденные принуждаются к обязательному труду, в результате чего у носителя рефлексивно формируется отношение к труду как к дисциплинарному взысканию. Но это – полбеда, иначе можно было бы спокойно отнести совокупность носителей к особой разновидности субматрицы «Крепостной» или выделить особую – «Раб».

Однако в той степени, в которой нынешний разношерстный криминалитет является социоментальным наследником

¹ Социологическое исследование «Социальный портрет гастарбайтера». Проводилось в Республике Хакасия в 2013 г. методом включенного наблюдения (трудоустройство в бригаду строителей. Исп. Чебаков Е.М.).

классической воровской субкультуры, в той же степени он – наследник особой социальной позиции. Система ценностей этой группы населения выковывалась наиболее стойкими, сплоченными в условиях торговли и идеологически мотивированными хлыстами и староверами. Отсюда отношение к «куму» (государству) как однозначно-му антагонисту. Такого принципиального отрицания семьи, частной собственности и государства нет в остальных трех матрицах.

Несмотря на сходство с матрицей «Крепостничества» (в которой саботаж возможен вследствие «холуйского энтузиазма» или просто недоумия), отличительной чертой, индикатором здесь служит осознанная инвариантная враждебность. Это социальный саботаж на грани аннигиляции.

Последнюю субматрицу назовем «Крепостной», так как она имеет наиболее массовые проявления и часто фигурирует в литературе в качестве «отмазки» для экономических и прочих неудач. Распространена среди низших классов и слоев. Наиболее рутинизирована, т. е. воспроизводится «по привычке». Уровень враждебности – ниже среднего. Саботаж крепостного, с одной стороны, это просто естественная потребность организма минимизировать усилия и ответственность; с другой стороны, он является естественной сублимацией агрессии. Пока работник уверен, что он хоть как-нибудь, но «объегорит» хозяина, его рука не потянется к томагавку.

Рассмотреть все субматрицы подробно нам не позволяет жанр, но для примера субматрицы «Крепостное право» сделаем некоторое исключение. В классическом варианте субъектом здесь является работник, представитель низшего сословия или класса; объектом – помещик, управляющий (менеджер высшего или среднего зве-

на); предметом – те или иные обстоятельства труда (время барщины, пашня, инструмент или скотина).

Отношения в этом треугольнике не всегда шли по конфликтному сценарию. Достаточно вспомнить, что действительным поводом к декларативной отмене крепостного права в 1861 г. послужил факт появления нескольких десятков крестьян-миллионеров и нескольких тысяч просто очень богатых крестьян, для которых освобождение от помещиков-паразитов было чрезвычайно актуально. Остальные, десятки миллионов, к своему крепостному положению относились более терпимо или даже положительно, пока парадигма согласия не сменялась на парадигму конфликта, т. е. не появлялся барин-садист или барин-просветитель – два из четырех типов менеджеров. С садистами все ясно, про них достаточно написано в марксистской литературе.

Продолжим на примере просветителя. Предметом изберем картошку. Прогрессивные попытки внедрить этот овощ в российской агрикультуре осуществлялись от Петра I до Николая I. Но картофель стал распространенной культурой вовсе не в результате усилий помещиков-просветителей. Здесь сработал другой механизм российской СКМ – зависть [9]. Семена картохи стали милы крестьянину лишь после того, как он их, простите за выражение, стырил.

Сто лет до этого, от Петра I до Николая I, эти семена ему давали даром, но заставляли сажать путем «внеэкономического принуждения». И, несмотря на подчиненное положение, на угрозы и посулы, российское крестьянство, не впадая, за редкими исключениями, в бунтарский ажиотаж, успешно сопротивлялось прогрессу. Целое сословие в десятки миллионов душ на протяжении ста лет занималось саботажем.

Крепостничество – не как нормативная декларация, а как реальный механизм социального взаимодействия – не исчезало в России никогда. Колхозный строй и современный порядок найма трудовых мигрантов тому подтверждение. Важнее другое: в рамках социокультурной матрицы нет жесткой дифференциации по социальным сферам. Традиции крепостничества можно обнаружить и в политике, и в искусстве, и в спорте, и в семейно-бытовых отношениях. Это не хорошо и не плохо, это есть. И это – фактор стабильности и преемственности в нашем обществе. *Memento potatus*.

Примеры можно множить до бесконечности. Остановлюсь еще на одном, самом крайнем, когда субъект совпадает с предметом. Выше этот вариант уже фигурировал в метафорическом виде – самоубийство от безысходности. То есть, не имея возможности изменить ситуацию, народ вредит сам себе. Просто вымирает, как во времена Смуты или «бириновщины», спивается от безысходности или садится на наркотики. И во все времена – и в XVI, и в XVIII, и в XX вв. – саботаж в виде народного самоубийства становился виден властям лишь годы, десятилетия спустя.

Подводя итог, хочется прокомментировать ценное, на мой взгляд, положение из «НИР»: «В общественных науках вновь актуализировалась проблема дифференциации двух типов «экономического человека». Деятельность первого из них ориентирована на скорейшее получение прибыли. Моральные сдержки для него при этом не действенны. При преобладании данного типа человека складывается модель “торгового” или “спекулятивного” капитализма» (курсив мой – Р.И.) [7, с. 502].

Обращаю внимание, что здесь экономический строй общества ставится в прямую за-

висимость от преобладания определенного типа личности. Целиком и полностью поддерживаю такой методологический подход, который называю *персоналогической парадигмой*. Но с учетом предмета разговора не могу присоединиться к содержанию самой цитаты и оптимистическому подходу авторов много-томной монографии в целом. Изобилие субматриц социального саботажа, помноженное на изобилие персонификаций и много-вековые традиции, позволяет задать вопрос: какая модель какого «-изма» складывается в результате преобладания типа Саботажник?

Литература

1. Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии. – М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. – С. 8–51.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Неборский Е.В. Социокультурная матрица высшего образования: проблема воспроизводства человеческого капитала // Вестник Удмуртского университета. – 2013 – Вып. 4 (Философия. Социология. Психология. Педагогика) – С. 51–54.
4. Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010 – 256 с.
5. Каширина М.В. Фальсеоинтеракция как особый вид социального взаимодействия // Социум и власть. – 2013. – № 6. – С. 11–16.
6. Краснопольская И.И., Солодова Г.С. Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 26–34.
7. Национальная идея России / под ред.: Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. В 6 т. – М.: Научный эксперт, 2012.
8. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: сборник: пер. с англ. / сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев. – М.: Прогресс, 1989. – 448 с.
9. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 544 с.
10. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 128 с.

SOCIAL SABOTAGE IN THE RUSSIAN SOCIOCULTURAL MATRIX

R.N. Ibragimov

State University of Khakassia

dison1@mail.ru

An objective approach to the study of the vector of Russia's development involves consideration of both positive and negative values and behavioral patterns that form a flexible system of socio-cultural matrix. The latter include a socio-cultural phenomenon of sabotage, breaking up into at least four specific sub-matrices.

Keywords: national idea, social and cultural matrix, sabotage, social risk.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-148-158

References

1. Buravoj M. *Za publichnyuyu sotsiologiyu // Obshchestvennaya rol' sotsiologii*. [For public sociology // The social role of sociology]. Moscow, 2008, pp. 8–51.
2. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 1990. 524 p.
3. Neborskij E.V. *Sotsiokul'turnaya matritsa vysshego obrazovaniya: problema vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala* [The socio-cultural matrix of higher education: the problem of the reproduction of human capital] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. Ufa, 2013, pp. 51–54.
4. Kara-Murza S.G. *Matritsa «Rossiya»* [The matrix "Russia"]. Moscow, 2010. 256 p.
5. Kashirina M.V. *Fal'seointeraksiya kak osobyj vid sotsial'nogo vzaimodejstviya // Sotsium i vlast'* [Falsecoin-
6. Krasnopol'skaya I.I., Solodova G.S. *Sotsial'noe konstruirovaniye etnichnosti* [The Social Construction of ethnicity] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. № 12, pp. 26–34.
7. *Natsional'naya ideya Rossii* [The national idea of Russia]. Vol. 1–6. Moscow, 2012.
8. Parkinson S.N. *Zakony Parkinsona* [Parkinson's Law]. Moscow: Progress, 1989. 448 p.
9. SHyok G. *Zavist'. Teoriya sotsial'nogo povedeniya* [The theory of social behavior]. Moscow, 2008. 544 p.
10. YUng K.G. *Arketip i simbol* [Archetype and Symbol]. Moscow, 1991. 128 p.